

В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАМОК ПОЛИТИЧЕСКОГО IN SEARCH OF THE THEORETICAL FRAMEWORK OF THE POLITICAL

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307
EDN: WLRELY

Научная статья / Research article

После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций

Д.Г. Евстафьев^{1,2} , Л.А. Цыганова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 devstafiev@hse.ru

Аннотация. Перерастание локального по масштабам военно-политического кризиса в Западной Евразии в фокус глобальных геополитических трансформаций и цивилизационного противостояния поставило на повестку дня проблему утраты универсальности моделей развития как в социально-политической, так и в социально-экономической сферах на глобальном уровне. Возникает перспектива конкуренции различных моделей развития и их региональной локализации на базе региональных социально-экономических особенностей. То, что глобально значимые процессы стали результатом сочетания объективных и субъективных факторов, а иногда и действий отдельных политических лидеров, говорит о том, что мы находимся внутри переходного исторического периода, когда возникают «точки бифуркации» в политических процессах, приводящие к расхождению моделей социально-экономического развития. Острота нынешней ситуации проявляется и в том, что релевантность утратили ранее считавшиеся абсолютно универсальными не только политические и социальные модели и парадигмы (например, принцип представительной демократии), но и социально-экономические, в частности принципы глобальной геоэкономической взаимозависимости, служившие основой глобализации. Система глобальных политических и экономических отношений, некогда почти полностью универсалистская, утрачивает синергичность и целостность, формируя локализованные форматы дальнейшего развития, в которых политическая и социокультурная консолидация опережает трансформацию экономического базиса и свойственных ему социально-экономических

© Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отношений. В исследовании ставится вопрос о наличии двух принципиально различных парадигм развития, взаимосвязи между ними и ключевых различиях этих моделей.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, неоглобальность, пространственный мир, национальный суверенитет

Для цитирования: *Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №2. С. 293–307. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>

After Post-Modernity: Discussion Points Against the Background of Global Transformations

Dmitry G. Evstafiev^{1,2} , Lubov A. Tsyganova¹

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation,*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation,*

 devstafiev@hse.ru

Abstract. The transition of the basically local military-political crisis in the Western Eurasia into the real focus of global geopolitical transformations and civilizational confrontation. That has brought to the agenda the issue of degradation of the principles of universalities that were the basis for globalization in both: socio-political and socio-economic spheres thus demonstrating deepening interaction between them. The world is facing the perspective of competition of different models of development and their political and social localization that reflect the specifics of social-economic environment. The fact that global transformations became the result of interaction of the objective and subjective, contextual factors as well as sometimes were brought to reality through the interaction of political leaders brings us to the conclusion that the world is nowadays within the transitional era that contains several points of bifurcation of political nature that in turn drive for different models of socio-economic development. The sharp nature of ongoing transformations reflects the situation when most of the paradigms and instrumental models that were regarded as axiomatically universal like institutional governance and representative democracy started to lose their relevance as political and socio-political management tools. The same is true about a bulk of global economic tools such as the universal protected nature of economic interdependence and international trade. But all that was the basis for the globalization. The system of global political and economic relations that has resided quite recently in the environment of nearly total universality started to lose synergy and integrity while forming complex localized formats in which political and socio-cultural factors play the leading role ahead of economic basis and socio-economic relationships. The research drives to the conclusion on the possibility of emergence of the two competing models claiming a global status the specifics of interaction between them and the key differences between them.

Keywords: post-industrial society, neo-globality, special world, national sovereignty

For citation: Evstafiev, D.V., & Tsyganova, L.A. (2023). After post-modernity: Discussion points against the background of global transformations. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 293–307. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>

Вместо введения: кризис глобализации как развилка развития

Наступившая после модерна эпоха, как ни одна другая, вызвала не только мощную научную дискуссию [Jameson 1989; Held et al. 1999] в прогностических исследованиях, но и подверглась попыткам дать обозначение эпохе и течениям в ней. Справедливым является замечание ряда исследователей, что «современность» с социальной точки зрения проявляется в первую очередь в возможности множественности интерпретаций [Weigner 2008]. Ряд исследований и размышлений о современности неразрывно связаны с культурой и художественными течениями в искусстве и литературе. Э. Дуссель [Dussel 2002] обозначает текущий момент трансмодерном, где сочетаются элементы модерна и постмодерна и в фокусе оказываются общности, а не индивид [Беспалая 2014]. Н. Буррио [Bourriaud 2009] в контексте современного искусства вводит термин «альтермодерн», который является территорией пограничья и развивает применительно к социальному пространству концепт фронтирных культур)¹, Джеффри Т. Нилон [Nealon 2012] предполагает, что постпостмодернизм говорит о «бесконечном конце всего» и может привести к бесконечным добавлениям префикса «пост», поскольку мы постоянно подчиняемся часто упрощающим ожиданиям ученых в отношении периодизации, историзации и создания слов для новых моментов или движений в культуре, в частности в литературе.

Особенностью данной дискуссии была концентрация на вопросах, связанных с социокультурными проявлениями постмодерна, тогда как вопросы, связанные с политической его институционализацией и экономическим базисом, считались вторичными.

Дж. Ковалик, анализируя пределы возможности употребления понятия постмодернизма, особенно в современной литературе, рассматривает «гиперпостмодернизм» и «антипостмодернизм» Эндрю Хоберека [Hoberek 2007] и другие термины, включая «метамодернизм» (о чем Тимотеус Вермёлен и Дэвид Джеймс опубликовали значительную работу), «гипермодернизм» Жиля Липовецкого, «космомодернизм» (Кристиан Морару) и «дигимодернизм» (Алан Кирби) [Kowalik 2023].

Такая полифония показывает всю сложность определения и осмысления современности, но главное — формирует сложное в методологическом отношении восприятие пространственных и надпространственных проявлений различных социальных в своей основе феноменов.

¹ Концепция «фронттира» и «фронтирных культур» была предложена впервые американским историком [Тернер 2009]. Но концепция возникновения на пространственном «пограничье» специфических моделей социального поведения в какой-то мере была предвестником появления концепта «социального пограничья», проявлением и развитием чего применительно к периоду постиндустриального постмодерна можно считать и концепцию прекаритата. В мире гибридной пространственной неоглобальности с элементами постпространственности могут возникнуть совершенно новые «фронтирные» модели социального поведения. Изучение данной проблематики представляется исключительно важным на будущее, в особенности с точки зрения возможности выработки и институционализации специфических политических форматов развития таких культур.

Кризис глобализации в версии постпространственного постиндустриального постмодерна, опиравшегося на доллароцентричные глобальные финансы, мировую торговлю, социокультурную универсальность и систему международных институтов, минимизировавшую возможности трансформаций архитектуры глобальной политики и экономики, был очевиден еще до начала кризиса на Украине, в период, когда мы имели дело с предпостглобальным миром, когда многие перспективные тенденции находились в зачаточном состоянии, не имея пространства для развития². Главная тенденция в современном развитии кризиса глобализации: опережающее развитие политических и социокультурных процессов по сравнению с экономической базой и порожденными ею социально-экономическими отношениями. Это проявляется в области операционной политики акцентированием принципов «ценностного размежевания». Однако было бы серьезной ошибкой отрывать процессы формирования новых парадигм развития в политике от социально-экономической основы. Предположение, формулируемое авторами, сводится к следующему:

Начальные этапы деструкции глобальной политической и экономической архитектуры времен поздней глобализации могут происходить на базе политических и социокультурных («цивилизационных») факторов. Но в период перехода к институционализации новых регионализированных геополитических систем более значимую роль начнут играть социально-экономические факторы, прежде всего особенности организации «вмещающего» пространства.

Хотя, безусловно, инерция политизации экономических и социокультурных процессов, наблюдаемая нами в настоящее время, сохранится на сравнительно длительный срок.

² Процессы, предшествующие глобальным трансформациям, но уже содержащие их механизмы, глубоко рассматривались рядом крупнейших российских и зарубежных специалистов. Отметим работы Г. Дерлугьяна, Д. Ергина, Н. Хомски, Д. Тренина, Р. Хааса, Дж. Ная, Д. Харви. Обратим внимание на последние работы Дж. Урри, С. Хикса, Т. ван Дейка, Дж. Ланье, Ф. Анкерсмита, Ю. Хабермаса в области социальной философии. В меньшей степени интересны, но также поучительны работы Г. Киссинджера и И. Валлерстайна, ибо в них акцент делается на возможность сохранения прежнего мирового порядка, хотя бы и только «по форме», с выхолаженным содержанием. В этом же ряду стоит и работа И. Крастева и С. Холмса «Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию» [Крастев, Холмс 2020], в которой сформулирована мысль, что кризис демократии западного типа был связан исключительно с ситуативными факторами, коррупцией элит и деятельностью отдельных авторитарных правителей. Из работ последнего времени отметим книги: *Ергин Д.* Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций [Ергин 2021]; *Realpolitik в «цифре»: суверенитет, союзы и неприсоединение XXI в.* А. Безруков, М. Мамонов, О. Ребро, А. Сушенцов. Доклад международного клуба «Валдай». Москва, сентябрь 2021 г. <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/>; *Утопия многообразного мира: как продолжается история.* О. Барабанов, Т. Бордачёв, Я. Лисоволик, Ф. Лукьянов, А. Сушенцов, И. Тимофеев. Доклад международного клуба «Валдай». Москва, октябрь 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/35332/>; *Прощай, COVID* [Прощай COVID 2020]. Небезынтересными кажутся выводы российского исследователя Д. Давыдова [Давыдов 2021].

Постановка вопроса и определение рамок

При любом варианте развития глобальных процессов [Giddens 2003], за исключением закритических, значение глобальных систем в перспективной системе общемирового развития будет оставаться прежним, сохраняя как минимум видимости глобальности, хотя, вероятно, и в сокращенном масштабе [Евстафьев 2023]. Ключевой из надпространственных систем в мире поздней глобальности стало информационное общество, где была достигнута беспрецедентная степень универсализации, прежде всего, с точки зрения используемых форматов.

В мире поздней глобализации в самом широком понимании реализовался подход Г.М. Маклюэна [McLuhan, Powers 1992], определивший доминирование в коммуникациях глобалистских социокультурных парадигм и специфических форматов коммуникаций. Это определило сложное сочетание свойственной современному информационному обществу «многоликости» в рамках очевидной форматной социокоммуникационной унификации.

Возникающая ситуация развилки развития выводит на первый план методологическую дилемму.

С одной стороны, отделяем ли постиндустриализм как социально-экономическое явление от социокультурного (и социоидеологического) постмодерна. Если совсем упрощать, — возможно ли отделение экономического базиса, а с ним и системы социально-экономических отношений, им порождаемых, от надстройки ввиду социокультурных отношений и эстетики и политических институтов, обеспечивающих репрезентацию соответствующих интересов

С другой — трансформируем ли постмодерн в принципе, учитывая те типовые формы, которые он приобрел и перспективу эволюции модели развития в анклавную архаику и, если да, то в каком направлении [Wilterdink 2002]. Если вновь упростить, то главный вопрос сводится к тому, насколько глубоко пространственно и структурно должен быть системный кризис, чтобы мир вновь смог выйти на относительно предсказуемую траекторию развития. Должен ли этот структурный кризис «обнулить» постиндустриальный постмодерн в целом или же возможно сохранение постиндустриальных анклавов хотя бы и в форме исключительно экономических узлов взаимодействия.

Ситуация отражает проблемы капитализма как системы, оказавшегося в поздней своей фазе неспособным к формированию образов будущего [Kumar 2004], могущих оказать интегративное социокоммуникационное воздействие на общество, хотя обладал всем возможным инструментарием для этого, включая средства социального конструирования с высокой степенью интрузивности и кастомизации с подстройкой приоритетов под конкретные целевые группы. **«Образ будущего» есть некий общественно приемлемый и потенциально контурно визуализируемый социальный прогноз**, влекущий за собой как минимум частично добровольное изменение характера целеполагания для значимых социальных и социально-экономических групп, а также каждого отдельного человека.

Из этого определения рамок вытекают три базовые констатации.

1. Неоглобальность будет развиваться в рамках локализованных и крайне динамичных социально-политических систем (с доминированием политического, «ценностного» императива), что что предопределяет столкновение объективных тенденций в пользу деуниверсализации моделей развития и стремления навязать ту или иную модель псевдоуниверсальности. Это предопределяет неизбежность относительно длительного сосуществования и конкуренции моделей развития, что, вероятно, и будет основой глобальных процессов ближайших 20–30 лет до формирования неоглобальной модели универсализма.
2. Мир «новой пространственности», выходящей за рамки политических границ середины — второй половины XX в., что подразумевает деактуализацию международного права при любой доминирующей модели развития. Но это означает, что главная глубинная борьба будет вестись за возможность внедрять/навязывать контролируемые «правила игры» большим геоэкономически фундированным системам. Попытка США реализовать в пространстве «объединенного Запада» жестко американоцентричный «мир правил» не является ни аномалией, ни ошибкой — это логичное операционное выражение американского видения структурных особенностей нового мира, в котором технологии (надпространственный феномен, однако с потенциалом пространственной локализации) будут продолжать играть роль элемента, структурирующего общемировую архитектуру [Schmidt 2023]. Ключевой фактор в данном случае — невозможность внедрения новых парадигм только в пространстве «внешней» деятельности «большой системы». Критично обеспечение доминирования «правил» и внутри системы, то есть разрушения ее суверенитета, если речь идет о государстве.
3. Новый мир — качественно многослойная система, суть которой выходит за рамки простой пространственности, создавая сложные симбиозы пространственности и надпространственности. В развитии этой системы, особенно на начальном этапе, в качестве акторов, имеющих возможность реализовывать собственные интересы, могут принимать участие разнородные участники: от национальных государств до сетевизированных неполитических структур. Пространства для развития новых тенденций будут возникать «на стыках» слоев, создавая эффект «чистого листа» [Евстафьев 2022] не только «на плоскости», но и структурно вертикально. Но это будет означать и возможность доминирования в «стыковых» пространствах (например, в глобальных или субглобальных логистических коридорах) негосударственных или псевдогосударственных акторов и, соответственно, — иных, нежели государственный, типов суверенитета и политической институционализации. Данный аспект, безусловно, относится больше к геоэкономическим аспектам развития неоглобальности. Но он также касается

вопросов политической институционализации взаимодействия различных субъектов, а также ставит на повестку дня вопрос о заведомой неактуальности понимания мира многополярности как мира только национальных государств, действующих в рамках модели национально-государственного суверенитета.

Формулировка базовых гипотез

Вопрос о постиндустриальном постмодерне является в основе своей вопросом о характере экономических систем и возможности сохранения социально-экономической универсальности в качестве основы глобального развития. Это во многом определяет центральный вопрос выбора неоглобальной модели развития: возможность достижения относительно высокого уровня геоэкономической синергичности и социокультурной целостности возникающих систем в условиях кризиса финансово-инвестиционного капитализма и распада в том числе и критических цепочек экономической взаимозависимости.

Сформулируем базовое предположение о моделях неоглобальности следующим образом:

Двумя базовыми альтернативами неоглобального развития на переходный период станут «неомодерн», социально-политическая и социокультурная реализация геоэкономического структурирования макрорегионов, защищенных как минимум пространственным («вестфальским») суверенитетом пространств экономического развития; и постпостмодерн — модель неограниченной сетевизации и социальной атомизации для сохраняющих включенность в глобализированные финансово-инвестиционные системы пространств.

Прохождение «развилки» в том или ином направлении определяется, с одной стороны, характером социально-экономических отношений в конкретном пространстве, а с другой — степенью влияния «цивилизационных» факторов на текущее развитие.

Наиболее важным аспектом, определяющим характер модели развития, пусть даже и не в глобально-универсальном формате, станут социально-экономические основания, а значит, — главным фактором в пользу доминирования в том или ином пространстве конкретной модели неоглобальности становится доминирование в нем носителей тех или иных экономических и социально-экономических интересов.

Из этого вытекают три принципиальных предположения:

Первое. Неоглобальный мир может в течение еще длительного времени быть по форматам институционализации и социально-экономического и социально-политического взаимодействия универсалистским, но трансформация его содержательной стороны будет предопределять его постепенную деуниверсализацию. Это подчеркивает роль носителей долгосрочных социально-экономических и экономических интересов, определяющих характер наполнения псевдоуниверсалистских форматов в конкретных пространствах и переформатирующих

универсалистскую систему политических и социально-экономических институтов «под себя».

Второе. Первоначальный импульс для консолидации различных по моделям развития пространств «мира неоглобальности» будет проистекать не от экономических факторов, а от политических и военно-политических факторов, в которых первые будут выполнять роль идентификатора возможностей межсистемного взаимодействия, а вторые — обеспечивать возникновение неких защищенных пространств с едиными для этих пространств «правилами игры». Социально-экономические факторы станут более важными на этапе выстраивания связей внутри уже оформившихся пространств. Но первоначальная политическая институционализация может происходить и при их вспомогательной роли³.

Третье. Решающим фактором, определяющим доминирование в том или ином пространстве того или иного варианта неоглобальности будет конкретное, можно даже сказать — уникальное для каждого пространства, сочетание акторов, стремящихся обеспечить свои экономические интересы. Причем «акторов» как на институциональном, системном уровне, так и на уровне индивидуально- и группового социального поведения⁴.

Актеры постпостмодерна и неомодерна: сравнительный анализ

Как уже говорилось выше, неоглобальность в любом формате будет характеризоваться высоким уровнем вариативности участников процессов формирования новой институциональности в экономике, социальных процессах и, в меньшей степени, — в политике, где глобалистская универсальность может существовать еще относительно длительное время. Многообразие акторов определяет и еще один момент: вариативность приоритетных сфер реализации их социально-экономического и социального потенциала, что зависит от конкретного операционного пространства.

Двумя ключевыми факторами, определяющими возможности развития той или иной модели неоглобальности является, как представляется:

- с одной стороны, характер пространства с точки зрения его местоположения и ресурсной обеспеченности, способность пространства к воспроиз-

³ Важнейшим противоречием, выходящим, впрочем, за рамки данной статьи, станет противоречие между национальным суверенитетом государств, интегрируемых в формируемое пространство, и коалиционным пространственным суверенитетом. Варианты разрешения этого противоречия могут быть различными, но в целом в неоглобальном мире редукция национального суверенитета до политически критических для существования народов и обществ областей представляется неизбежной.

⁴ Характерно, что в западной социологии периодически возникал вопрос об особенностях «людей неомодерна», нового индустриального общества в противовес людям постиндустриального постмодерна [Drucker 2009]. Вопрос в том, что конфликт между этими двумя группами, в особенности сосуществующими на одной территории, неизбежно происходил бы по всем плоскостям социального взаимодействия: от эстетики до модели базового потребления.

водству того или иного типа социально-экономических отношений. Это означает принципиальную деуниверсализацию социально-экономических отношений;

- с другой стороны, доминирующий тип социально-экономического игрока, способного консолидировать политический (в том числе и силовой) ресурс для обеспечения своих интересов. А это подразумевает утрату универсальности и в социально-политической сфере, где различные игроки будут пытаться реализовать свой потенциал влияния.

Иными словами, даже модель постпостмодерна, где ключевую роль будут продолжать играть надпространственные системы, будет реализовываться в пространственном мире и в этом смысле будет до известной степени пространственной.

Авторский анализ возможных вариантов интересов акторов посткапитализма и приоритетные для них варианты неоглобальности приведены в таблице.

Данным списком спектр возможных акторов переходного периода к неоглобальности не исчерпывается. Важно также отметить, что акторы переходного периода к неоглобальности даются в том понимании и с учетом того формата, как он существовал в период поздней глобализации. Мы не можем полностью исключать возникновения неких промежуточных форм институционализации, характерных для более ранних «переходных» в плане организации архитектуры мировой политики и экономики периодов (Республика Фиуме, Договорный Оман, Зона Племен в Пакистане, ряд территорий в Юго-Восточной Азии и Африке, находившихся под фактическим корпоративным управлением крупных ТНК).

Представленные в таблице примеры дают возможность определить неоглобальность как некую «мультисреду», где утрачиваются обе главные черты социальной модели постиндустриального постмодерна:

- в неоглобальной среде как на уровне «больших систем», так и на уровне составных элементов (государств и субгосударственных акторов) неактуальна модель, основанная на доминирующем типе социального поведения и социальной коммуникации. В неоглобальной мультисреде в определенном локализованном пространстве возможно возникновение доминирующей в социальном и социально-политическом плане модели. В особенности это касается социальных коммуникаций. Могут возникать такие пространства, где коммуникация будет — в отличие от постиндустриального постмодерна — вторичной по сравнению с социальной деятельностью;
- невозможность реализации универсалистских моделей политической репрезентации (политические институты) и социально-политической (гражданское общество), а соответственно, — и форматов институционализации власти и государства. Данный аспект представляет собой крупнейший исследовательский вызов в изучении мира неоглобальности с точки зрения методологии социальной философии и политологии.

Посткапитализм. Акторы неоглобальности: соотношение возможностей и конкурентная среда

Тип актора	Ресурсная база	Носитель интересов	Среда максимальной реализации потенциала	Приоритетные сферы конкуренции с другими акторами	Приоритетный формат проявления	Примечания
Государства	Государственные инвестиции на базе суверенной эмиссии и суверенитета на ресурсы	Чиновничество Служивый класс Бенефициары реиндустриализации	Пространства реиндустриализации	Города Международные отношения Формирование систем коалиционного суверенитета	Неомодерн	Подопросом остается возможность существования государства, основанного на классической представительной демократии
Надгосударственные/межгосударственные структуры	Международное право	«Граждане мира» Глобальный политикум Глобальное информационное пространство	Пространства с неустоявшимися государствами Формируемые государства Международные отношения Гуманитарное право	Международное право (приоритет в экономическом и гуманитарном праве)	Постпостмодерн Постиндустриальный постмодерн (регрессивные территориальные анклавы)	Надгосударственные структуры заинтересованы в восстановлении системы глобальной регуляторики
Транснациональные корпорации	Сырьевая периферия Глобальная и региональная логистика	Яппи интернационал Лица, аффилированные с международными институтами	Десуверенизированные пространства Несформировавшиеся государства «Серые зоны»	Ресурсы устоявшихся государств Международное экономическое право	Постиндустриальный постмодерн (поздняя глобализация) Постпостмодерн в период неоглобальности	Возможно изменение типовой оргструктуры ТНК, отход от классического сетевого принципа
Субгосударственные участники системы	«Серые зоны» с точки зрения суверенитета «Серая» и «черная» торговля	Аутсайдеры, люди вне «цивилизации» Представители социальной и идеологической архаики	Серые зоны суверенитета Зона соприкосновения «суша-море»	Логистика Природные ресурсы	Постиндустриальный постмодерн Постпостмодерн в системе неоглобальности При определенных условиях (контроль значимых пространств, контролируемых в ряде случаев — в качестве «трофея») — архаика преמודерна	В краткосрочной перспективе возможно возникновение феномена значительных пространств, контролируемых «не-государствами» Прямой конкурент ТНК в ряде случаев

Источник: составлено авторами.

Postcapitalism. Actors of neo-globalness: the ratio of opportunities and the competitive environment

Type of actor	Resource base	Major Bearers of interests	Environment for maximum realization of potential	Priority areas of competition with other actors	Priority format of manifestation	Notes
States	Public investment based on sovereign emission and sovereignty over resources	Bureaucracy Public service strata Beneficiaries of reindustrialization	Spaces of reindustrialization	Cities International relationships Formation of systems of coalition sovereignty	Neomodern	The stable functioning of a state that is based upon classic representative democracy
Supra-State / Inter-State Structures	International law	"Citizens of the World" Global Politics Global Information Space	Spaces with Fragile States Formable states International relationships Humanitarian law	International law (predominant position in economic and humanitarian law)	Post-postmodern Post-industrial postmodern (regressive territorial enclaves)	Above state structures are interested in restoring the global regulatory system
Transnational corporations	Raw materials periphery Global and Regional Logistics	Yuppie International Persons affiliated with international institutions	De-sovereign spaces Unformed states "Grey Zones"	Resources of established states International economic law	Postindustrial postmodern (late globalization) Post-postmodern in the period of neoglobalism	It is possible to change the typical organizational structure of TNCs, a departure from the classical network principle
Substate participants in the system	"Gray zones" in terms of sovereignty "Gray" (non-taxed) and "black" (criminal) trade	Outsiders, people outside of "civilization" Representatives of social and socio-ideological archaism	Gray areas of sovereignty Land-sea interaction zone	Logistics Natural resources	Post-industrial postmodern Post-postmodern in the system of neo-globality Under certain conditions (control of significant spaces controlled as a "trophy") — archaic pre-modern	In the short term, the phenomenon of large areas controlled by "non-states" is possible Direct competitor of TNK in some cases

Source: compiled by the authors.

На этом фоне встает вопрос о характере конкуренции между двумя моделями неоглобальности и возможности на этом фоне пространственной институционализации одного из вариантов пре-модерна (архаики), использующей фактор социально-экономической деградации и социальной деструкции.

Вместо заключения

Подводя итог проведенному анализу, сделаем три главных констатации:

- Современный период развития глобализации будет характеризоваться относительно быстрой утратой универсальности в экономике и политике, но сохранением ее в социальной и социокультурной сфере, где процессы формирования элементов неоглобальности очевидно запаздывают.
- Главным вопросом является вопрос о локализации на политической первоначально основе «больших» и геоэкономических по своей сути систем и интеграции локализованных экономических интересов, что подразумевает пространственный характер противоборства двух моделей неоглобальности. Пространственное противоборство становится на период трансформаций определяющим.
- Конкуренция между различными моделями реализации новой системы социальных отношений будет не просто пространственной, а многоуровневой, неизбежно затрагивая и надпространственные системы, лежащие вне пространственного суверенитета.

Ключевую содержательную разницу между двумя вариантами реализации неоглобальности можно сформулировать следующим образом: Неомодерн как экономическая система будет опираться на геоэкономические регионы как защищенное пространство ограниченной социально-политической универсальности, но при социокультурном разнообразии. Социокультурная сторона для первичного формирования системы неомодерна в целом будет вторична по сравнению с технологическими и социально-экономическими связями. Социоинформационный и, тем более, социокультурный компонент будет выполнять сервисную функцию.

Постпостмодерн, вероятнее всего, будет моделью «сверхуниверсальности» в условиях устойчивой социальной атомизации и социокультурной мозаичности, также локализованной в пространстве, однако в специфических частях света, где будет происходить реализация потенциала финансовых коммуникаций. В мире колониального модерна (XVIII–XIX вв.) такие пространства именовались «факториями» и были опорными точками торгово-колониальных систем государственного и негосударственного типа. В мире постпостмодерна они, вероятнее всего, станут опорными (связующими) точками сетевизированной неоглобальной системы, имеющей более высокую, нежели неомодерн, степень операционной вариативности, но выстроенной вокруг потребления информации и «ощущений», что будет обуславливать существенно большее значение социокультурных факторов управления обществом. **Вопрос о характере «ядра» системы постпостмодерна является в данном случае одним из важнейших**

«белых» пятен в данной проблеме. В частности, до конца не ясно, насколько это «ядро» может быть только «коммуникационно-инвестиционным» или характер развития глобальных процессов обусловит необходимость формирования в защищенном «ядре» в целом сетевизированных систем постпостмодерна неких локализованных технологических «центров» и базовых пространств для «донорства безопасности». На статус такого центра претендует пока AUKUS. Этот вопрос, безусловно, станет определяющим для формирования геополитической архитектуры мира неоглобальности.

В обеих моделях неизбежна значительная роль инструментов идеологической консолидации соответствующих систем [Nye 2018]. Причем система неомодерна на начальном этапе своего становления может потребовать более жесткого социально-идеологического структурирования по сравнению с постпостмодерном, что обуславливается необходимостью отделения от деградирующего в рамках идеологии «сверх-либерализма» постиндустриального постмодерна, который также может на определенное время быть пространственно локализован (Европа, Атлантическое побережье США) и продолжать пытаться играть роль «ядра» системы. Таким образом, вопрос о доминировании двух моделей развития в конечном счете упирается в вопрос о конкуренции различных типов экономики неоглобальности, как минимум на переходный период, и о формах этой конкуренции.

Поступила в редакцию / Received: 27.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 14.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Беспалая О.П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 20–22.
- Давыдов Д. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Евстафьев Д.Г. Новый мировой порядок: потребность в «чистом листе» и геоэкономические реалии сегодняшнего дня // Международная жизнь. 2022. № 4. С. 38–49.
- Евстафьев Д.Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21.
- Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
- Крестев И, Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Прощай COVID / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009.
- Bourriaud, N. Altermodern. Tate Triennial 2009. London: Tate Publishing, 2009.
- Drucker P.P. The Future of Industrial Man. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers The State University, 2009.
- Dussel E. World System and “Trans”Modernity // Nepantla. Views from South. 2002. No 3.2. P 221–244.

- Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. NY: Routledge 2003. 1
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Polity and Stanford University Press. 1999.
- Hoberek A. Introduction: After Postmodernism // *Twentieth Century Literature*. 2007. № 53. P. 233–247.
- Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1989.
- Kowalik G. Post-Postmodernism, the “Affective Turn”, and Inauthenticity // *Humanities*. 2023. Vol. 12. Iss.1. P. 7. <https://www.mdpi.com/2076-0787/12/1/7>
- Kumar K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. 2nd edition. Wiley-Blackwell, 2004.
- McLuhan M., Powers B. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century*. Oxford University Press, 1992.
- Nealon J.T. Preface: Why Post-postmodernism? // *Post-Postmodernism, or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Redwood City: Stanford University Press, 2012.
- Nye J.S.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. 2018. January, 24. Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>. (accessed: 15.03.2023).
- Schmidt E. Innovation Power. Why Technology Will Define the Future of Geopolitics // *Foreign Affairs*. 2023. March-April. Published on February 28, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/eric-schmidt-innovation-power-technology-geopolitics>. (accessed: 10.03.2023).
- Weigner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A new Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Wilterdink N. The sociogenesis of postmodernism // *European Journal of Sociology = Archives Européennes De Sociologie*. 2002. Vol. 43, no. 2. P. 190–216.

References

- Bespalaya, O.P. (2014). After postmodern: Altermodern, transmodern, postpostmodern. *Humanitarian, socio-economic, and social sciences*, (3), 20–22. (In Russian).
- Bourriaud, N. (2009). *Altermodern. Tate Triennial 2009*. London: Tate Publishing.
- Davydov, D. (2021). *Postcapitalism and the birth of personalities*. Moscow: RIPOL classic. (In Russian).
- Drucker, P.P. (2009). *The future of industrial man*. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers The State University.
- Dussel, E. (2002). World system and “trans”modernity. *Nepantla. Views from South*, (3.2.), 221–244.
- Evstafiev, D.G. (2022). New world order: the need for a “blank slate” and the geo-economic realities of today. *The International Affairs*. (4), 38–49. (In Russian).
- Evstafiev, D.G. (2023). Step beyond the threshold of the global world. *Russia in Global Affairs*, 21(2), 8–21. (In Russian).
- Giddens, A. (2003). *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. NY: Routledge.
- Gaaze, K., Danilov, V., Dudenkova, I., Kralachkin, D., & Safronov, P. (Eds.). (2020). *Goodbye COVID*. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute. (In Russian).
- Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., & Perraton, J. (1999). *Global transformations: Politics, economics and culture*. Polity and Stanford University Press.
- Hoberek, A. (2007). Introduction: After postmodernism. *Twentieth Century Literature*, 53, 233–247.

- Jameson, F. (1989). *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Kowalik, G. (2023). Post-Postmodernism, the “Affective Turn”, and Inauthenticity. *Humanities*, 12(1), 7. <https://doi.org/10.3390/h12010007>
- Krastev, I., & Holmes, S. (2020). *The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy*. M.: Alpina Publisher. (In Russian).
- Kumar K. (2004). *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*, 2nd Edition. Wiley-Blackwell.
- McLuhan, M., & Powers, B. (1992). *The global village: Transformations in world life and media in the 21st Century*. Oxford University Press.
- Nealon, J.T. (2012). Preface: Why post-postmodernism? *Post-Postmodernism, or, the cultural logic of just-in-time capitalism*. Redwood City: Stanford University Press.
- Nye, J.S. (2018). How Sharp Power threatens Soft Power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence. *Foreign Affairs*. January 24. Retrieved March 15, 2023, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.
- Schmidt, E. (2023). Innovation Power. Why technology will define the future of geopolitics. *Foreign Affairs*. March-April. Retrieved February 28, 2023, from <https://www.foreignaffairs.com/united-states/eric-schmidt-innovation-power-technology-geopolitics>.
- Turner, F.J. (2009). *The frontier in American history*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Weigner, P. (2008). *Modernity as experience and interpretation. A new sociology of modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Wilterdink, N. (2002). The sociogenesis of postmodernism. *European Journal of Sociology / Archives Européennes De Sociologie*, 43.2, 190–216.
- Yergin, D. (2021). *The new map: Energy, climate, and the clash of nations*. Moscow: Intellectual literature. (In Russian).

Сведения об авторах:

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; профессор кафедры теории права и государства, Российский университет дружбы народов (e-mail: devstafiev@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6276-0342)

Цыганова Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: ltsyganova@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2769-843X)

About the authors:

Dmitry G. Evstafiev — PhD in Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, HSE University; Professor of the Department of Theory of Law and State, RUDN University (e-mail: devstafiev@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6276-0342)

Lubov A. Tsyganova — PhD in History, Associate Professor of the School Communications of the Faculty of Creative Industries, HSE University (e-mail: ltsyganova@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2769-843X)